

Станислас де Гуайта

Rosa mystica

Перевод, вступительная статья и комментарии Михаила Богатырева

Вполне отдавая себе отчет в том, что в круг задач журнала «Эмигрантская лира» входит прежде всего раскрытие потенциала современных (читай – ныне живущих) литераторов, я все же позволил себе отступить от этой, достойной всяческого одобрения, установки, желая познакомить читателей со стихами одного из самых загадочных французских авторов XIX в., наследие которого волею судьбы оказалось погребенным в маргиналиях символизма. Во Франции имя Станисласа де Гуайты (Stanislas de Guaita; 1861–1897), при жизни снискавшего себе титул «принц розенкрейцеров», известно лишь специалистам по оккультизму и представителям масонских лож мартинистского направления¹, а его поэтические сборники на русский язык не переводились².

Станислас де Гуайта в последние годы жизни³

Итак, предлагаемое вашему вниманию произведение – поэма «Мистическая роза» – было написано в 1884 г. двадцатитрехлетним маркизом де Гуайтой, впоследствии –

-
- 1 Мартинизм – направление мистического и эзотерического христианства, чья доктрина описывает падение первого человека из божественного состояния в материальное, а также способ его возвращения к Богу с помощью реинтеграции, или духовного просветления, достигаемого при сердечной молитве. Предтечей этого учения был Луи Клод де Сен-Мартен, а первую ложу мартинистов основал в 1886 г. Жерар Анкосс (Папюс).
 - 2 Справедливости ради отметим, что существуют переводы отдельных стихотворений Гуайты; так, интересующую нас поэму «Rosa mystica» можно отыскать в пер. Ф. А. Хаустова (на наш взгляд, недостаточно тщательном) на сайте Стихи.ру (<https://stihi.ru/2020/12/05/6677>) под названием «Гефсимания». В отличие от стихов, герметические труды Гуайты издавались в России неоднократно, в частности, книга «Храм Сатань» (в пер. Вадима Нугатова; М., 2004).
 - 3 Эта фотография была опубликована в книге Maurice Barrès. «Un rénovateur de l'occultisme. Stanislas de Guaita (1861-1898)», Paris, Chamuel, 1898.

крупнейшим специалистом в области магии и европейского мистицизма, соучредителем Каббалистического Ордена Розы+Креста. Станислас де Гуайта происходил из благородной итальянской семьи, переселившейся во Францию; его роскошные парижские апартаменты были местом встреч поэтов, художников и писателей. В молодые годы он опубликовал три поэтических сборника: «Перелетные птицы» (1881), «Темная муза» (1883) и «Мистическая Роза» (1885)⁴. В 1885 году, под влиянием трудов аббата Альфонса Луи Константа (Элифаса Леви)⁵ и близких ему по духу авторов – маркиза Сент-Ива д'Альвейдра и Фабра д'Оливе, Гуайта решил целиком посвятить себя оккультной деятельности, оставив даже поэзию. Уже через четыре года (1889) он вошел в Верховный совет Ордена мартинистов, основанного Папюсом⁶, а в 1891 г. увидела свет его фундаментальная работа «Храм Сатаны»⁷ (предполагалось, что это лишь первая часть трилогии «Змей книги Бытия», однако третий том так и остался незавершенным: Гуайта умер во время работы над ним).

Гравюра по мотивам магического рисунка из старинного гримуара, включенного в пятое фр. издание книги Гуайты «Храм Сатаны». Здесь изображено общение души с ангелами, элементами, планетами и стихиями

4 См.: https://fr.wikisource.org/wiki/Rosa_mystica.

5 Альфонс-Луи Констан (лит. псевд. Элифас Леви; 1810-1875) – французский аббат, философ, оккультист, один из последователей Ю. М. Гоэне-Вронского. См., например: Элифас Леви. Учение и ритуал высшей магии – прочесть книгу онлайн в рус. переводе можно здесь: <https://www.rulit.me/books/uchenie-i-ritual-vysshej-magii-tom-1-read-93982-2.html?ysclid=m679ukvtu2423646238>.

6 Жерар Анаклет Венсан Анкосс, известный под псевдонимом «Папюс» (фр. Gérard Anaclel Vincent Encausse; 1865-1916) – известный французский оккультист, масон, розенкрейцер; врач по образованию; основатель ордена мартинистов.

7 Прочитать эти книгу онлайн в пер. В. Нугатова можно здесь:

https://www.phantastike.com/kabbalah/serpent_genesis/djvu/view/ (скачать:<https://www.klex.ru/hju>).

Ознакомиться с фр. изданием (1920) второй книги де Гуайты, «Ключи черной магии» (La clef de la magie noir) можно здесь: http://hermetism.free.fr/images/Guaita_serpent.pdf.

Вопреки столь устрашающему названию, книга «Храм Сатаны» была нацелена на разоблачение темных сторон оккультизма⁸; она содержала детальный анализ античных мистерий, а ее автор интуитивно тяготел не к «бафометству» даже, а, скорее, к теософии и к традиционализму в духе Рене Генона (не отрекаясь при этом от католической церкви). «Иисус Христос – солнце человечества, – писал Гуайта. – В Евангелии следует искать закон вечной жизни; его дух содержится там целиком».

В начале 1890-х гг. аббат из Лиона Жозеф-Антуан Буллан (провозгласивший себя новым Иоанном Крестителем), лишенный сана католический священник и глава схизматической ветви, названной Церковь Кармеля, начал «магическую войну» против Станисласа де Гуайты⁹. Писатель Жорис-Карл Гюисманс, поддерживавший Буллана, обвинил Гуайту в том, что тот, якобы, на расстоянии околдовал бедного лионского аббата. Гюисманс сделал Станисласа прототипом каноника Докра в романе «Там, внизу». Другого соратника Буллана, писателя Жюль Буа, Гуайте пришлось вызвать на дуэль. В качестве оружия были выбраны пистолеты, но оба дуэлянта промахнулись. Как позже выяснилось, пуля Гуайты застряла в стволе пистолета; Жюль Буа объяснял это «магическим заступничеством».

8 Например, в пересказе В. Нугатова (из предисловия к «Храму Сатаны» М., 2004; стр. VI): «При порче, или энвольтации, материя получает название вольт (от лат. vultus, изображение), а форма называется магическим проклятием. Вольт классической энвольтации — вылепленная из воска фигурка жертвы. При изготовлении вольта колдун использует священный елей или кусочки освященной гостии, обрезки ногтей, зуб (отсюда просторечное выражение: иметь на кого-нибудь зуб) или волосы своей будущей жертвы, а также обрывки ее старой одежды. По традиции куклу посвящают во все таинства, которые прошла жертва: крещение, евхаристия, конфирмация, рукоположение, миропомазание. Затем объект колуют отравленными булавками, осыпают градом ругательств и царапают в предначертанные часы осколками стекла или ядовитыми шипами, покрытыми разложившейся кровью. Вольт иногда заменяет жаба, которую связывают волосами жертвы и зарывают под порогом ее дома... Гуайта с повышенным интересом и отвращением, смешанным с удовольствием (или с удовольствием, смешанным с отвращением), перечисляет различные колдовские рецепты. Чем омерзительнее, тем лучше, но главное – эффективнее. В заключение он приводит пространную алфавитную опись – «Арсенал колдуна». Предостережение или... руководство к действию?».

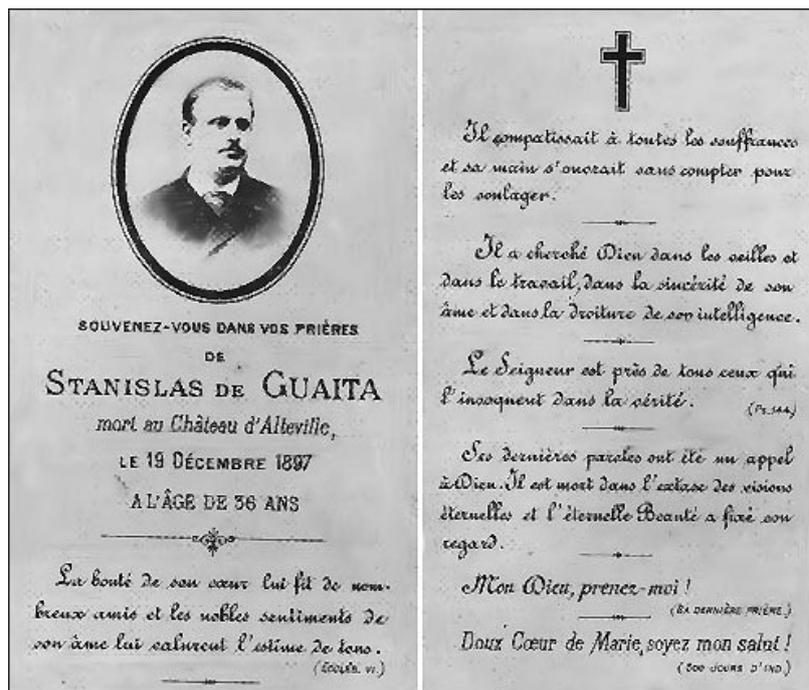
9 Из уже цитированного выше предисловия В. Нугатова («Храм Сатаны», М., 2004) явствует, что в секте Буллана насаждалась атмосфера разврата: все мужчины обладали всеми женщинами, и наоборот. Буллан называл это «правом прокреации», возвышенной привилегией посвящения в Святой Кармель: «Без соитий – нет спасения». Весьма показательны «Фрагменты показаний мадемуазель Марии М.» (18.05.1887), опубликованные в книге Гуайты (стр. 506-507).

«В мае 1871 года... Он (Б***, или доктор Креститель) начал говорить мне о соитиях на расстоянии, утверждая, что мне достаточно призвать Иоанна-Крестителя, находясь в Шалоне, и я тотчас почувствую его рядом с собой в своей постели. Мне было любопытно поэкспериментировать с этим; но мне никогда не удавалось ощутить малейших следов Иоанна-Крестителя, несмотря на неоднократные призывы... Мадам Т*** уже говорила мне об этих соитиях на расстоянии; она утверждала даже, что забеременела таким способом» (стр. 7-8).

«Креститель пользовался мадемуазель Ж. Г***, «своим утешением», для того, чтобы она постепенно приводила к нему всех других членок Кармеля; ей было поручено вызывать их на откровенность, склоняя их отдаться Отцу» (стр. 17).

«Поскольку семья Г*** располагала лишь двумя кроватями, Соития происходили в одной постели, где Отец спал с обеими девушками одновременно» (стр. 19).

По утверждению Гуайты, подобная доктрина приводила ко всеобщему бесстыдству, прелюбодеянию, инцесту, скотоложеству, инкубизму и онанизму, возведенным в похвальные и сакральные акты.

Объявление о смерти Станисласа де Гуайты (документ, предоставленный Ж. Табрисом для конспирологического блога, модерлируемого А. Пальчиным (Alexander Palchin))

Последние годы жизни Гуайты были омрачены пристрастием к морфию (первоначально он употреблял его в качестве болеутоляющего средства). Судя по некоторым пассажам, автор книги «Храм Сатаны» хорошо ориентировался в нюансах воздействия на психику самых разнообразных психотропных веществ. В частности, в главе V («Арсенал колдуна»), сказано следующее: «Кока, как и гашиш, но другими способами, оказывает прямое и мощное действие на астральное тело... Я должен ограничиться одним советом: если вам дорога ваша жизнь, ваш разум, здоровье вашей души, избегайте подкожных инъекций кокаина, как чумы. Привычка формируется очень быстро и становится в сто раз более настойчивой, более живучей и более фатальной, чем любая другая такого же рода». Лоран Тайад¹⁰ утверждал, что поэт впал в чрезвычайную зависимость от наркотика, заказывая его килограммами (sic).

Употребление морфина ухудшило и без того слабое здоровье Станисласа де Гуайты, в результате чего он скончался 19 декабря 1897 года в возрасте 36 лет. Биограф поэта Андре Бильи называл причиной его смерти уремию, об этом же свидетельствовали и родственники Гуайты.

Поэма «Rosa mystica» строится на обращении к евангельскому сюжету, и это выглядит явным анахронизмом. В поэтических салонах Парижа в ту пору главенствовали две идеологии: с одной стороны – «парнасский» атеизм, а с другой – эпатаж и мизантропия

¹⁰ Лоран Тайад (фр. Laurent Tailhade; 1854-1919) – французский поэт, сатирик, переводчик и анархист; его наиболее известный поэтический сборник был озаглавлен весьма эпатажно: «В стране скотов» (1891). Живя в Париже, Тайад пристрастился к опиуму; позже он написал статью о морфиновой наркотической зависимости – «Темный Идол». Это название подсказал ему английский писатель Томас Де Квинси, называвший так лауданум, от которого у него также была зависимость. Особенность статьи Тайада – использование богатого и выразительного языка. Он описывал ощущения при принятии морфина и последующую зависимость, а также утверждал, что парижские поэты пристрастны скорее к алкоголю, нежели к морфину, хотя и не отрицал, что некоторые из них, например Шарль Бодлер, употребляют морфин и опий.

символистов, среди которых не было единства в вопросах вероисповедания (например, Артю́р Рембо занимал антиклерикальную позицию, а Бодлер, пытаясь примирить между собой две непостижимые бездны – дух и плоть, вечность и время, «я» и «не-я», обрек себя на бесконечные скитания между Богом и Сатаной¹¹). Юный Станислас де Гуайта, с его глубоким, хотя и отнюдь не оптимистичным, религиозным чувством, плохо вписывался в идейный мейнстрим своего времени, чем отчасти и объясняется тот факт, что некоторые критики сочли его поэтом весьма посредственным. Вообще, за поэтическими сборниками молодого (и рано сошедшего со сцены) автора тянется шлейф крайне противоречивых оценок: Анри Боклер причисляет его к декадентам, а Алан Мерсье утверждает, что Гуайта «по классицизму формы и письма ближе к парнасцам, чем к символистам»¹².

В оригинале строфы «Мистической розы» несут на себе отпечаток мистических экзальтаций: они угловаты и не мелодичны до такой степени, что оставляют впечатление просодической ущербности. Строки составлены из коротких, рубленых фраз-восклицаний, втиснутых в умозрительную метрику и связанных концевыми перекрестными рифмами. Рассмотрим для примера шестую строфу. Оригинал:

Disciples endormis ! Ciel sourd !... Rien ne répond.	[A]
L'ange s'est envolé ; la coupe d'agonie	[B]
Est bue, et la sueur sanglante est sur ton front.	[A]
Serais-tu pas un dieu, Roi des Juifs ?... — Ironie !	[B]
Disciples endormis ! Ciel sourd !... Rien ne répond !	[A]

Переводчик Ф. А. Хаустов¹³ разглаживает эту просодическую угловатость и выстраивает метрику стиха на основе 6-стопного ямба (как в песне Высоцкого «Наверно я погиб. Глаза закрою, вижу...»), однако наличие некоторых изъяснительных неловкостей («уксусных ироний»), не позволяет расценивать этот перевод как удовлетворительный:

Ответа нет нигде, / лишь пот течёт с лица.	[A]
Никто не прояснит / среди дыханий ровных:	[B]
Взаправду ли Ты Бог / и подлинно ли Царь?	[A]
Ты боль испил сполна, / до уксусных ироний:	[B]
Ответа нет нигде, / лишь кровь течёт с лица.	[A]

В нашей, нормализованной, версии шестая строфа читается следующим образом:

Спутники спят! Безучастно молчат небеса,	[A]
Ангел исчез, и агонии Чаша испита.	[B]
Кровь на челе проступила как божья роса.	[A]
Царь Иудейский! Да кто же есть Бог, как не ты-то?	[B]
Спутники спят! Безучастно молчат небеса!	[A]

В седьмой строфе поднимается тема дуализма божественного и человеческого в природе Христа, многократно обсуждавшаяся теологами и по-разному истолковывавшаяся в религиозных практиках различных направлений христианства. Монофизитство, которого до сих пор придерживаются некоторые дохалкидонские Церкви¹⁴, признает за Христом только божественное начало, а человеческое (тварное) расценивает как нечто эфемерное. Судя по

11 «Молитва к Богу, или духовное начало, – это жажда воспарения...; молитва к Сатане, или животное начало, – это блаженство нисхождения», – писал Бодлер.

12 Здесь мы цитируем книгу Алана Мерсье «Эзотерические и оккультные источники символической поэзии; 1870–1914» (Paris, 1969).

13 См. на сайте Стихи.ру (<https://stihi.ru/2020/12/05/6677>).

всему, для Гуайты была более органична парадигма арианства¹⁵, в которой упор делается именно на человеческую природу Христа и утверждается, что Он смог возвыситься до состояния «усыновленности» Богом-Отцом благодаря Своим личным качествам:

VII

Если в Тебе умер Бог, если Ты – человек,
Тот, кто влачит по земле свою плоть словно рану, –
Как же Ты сам-то себя назовешь, имярек? –
Немощь Твоя это все ж таки немощь титана;
Раз уж нет Бога, то пусть будет сверхчеловек.

Гуайта стремится к предельному обнажению человеческого начала в антиномичной (богочеловеческой) природе Христа, начала, выраженного как в Его последнем восклицании на Кресте («Отче, зачем Ты меня покинул?»), так и в Молении о Чаше («Да минует меня жребий сей»). Вслед за некоторыми раннехристианскими ересиархами поэт позволяет себе усомниться как в эффективности, так и в целесообразности искупительной жертвы Спасителя, и в итоге в последней строфе он выносит эту жертву «за кадр», признает ее несущественной:

VIII

... Образ, который поэтов пленяет и манит –
Вечный и трепетный, словно развернутый стяг, –
Не страстотерпец, что отдал себя на закланье, –
Нет! – В Гефсиманском саду тихо плачет дитя.

В первую годовщину смерти Станисласа де Гуайты (1898) французский мартинист, поэт и драматург В.-Э. Мишле писал о нем: «Гуайта – одно из самых блестящих звеньев магической цепи Гермеса на Западе», а столетие спустя русский переводчик В. Нугатов очень точно охарактеризовал драматическую фигуру «принца розенкрейцеров» в следующих словах (которые вполне можно отнести и к поэзии Гуайты): «Отблеск величия все же ложится на страницы его загадочных и порой мучительных произведений, отзываясь в душе невыразимой метафизической тоской».

14 Т. е. Церкви, отвергающие решения Халкидонского Собора 451 г. и всех последующих Соборов – в частности, Армянская Церковь.

15 Арианство – антиринитарное течение в христианстве (IV-VI века), названное по имени александрийского пресвитера Ария (250-326).

Stanislas de Guaita / Станислас де Гуайта

ROSA MYSTICA / Мистическая Роза

Gethsemani / Гефсимания

trad. de fr.: M. Bogatyrev / пер. с фр.: М. Богатырев

À Mademoiselle Rousseil / Посв. мадемуазель Руссель

I

Jésus pleure à genoux au Jardin des olives,
Et se penche en un geste calme d'abandon,
Pâle front, décoré de grâces malades. —
Comme la Magdeleine implorant son pardon,
Il pleure à deux genoux, au Jardin des olives.

Плачет Иисусе, припав к Елеонской земле,
Встав на колени, главу Он смиренно склоняет.
Язвы от терний зияют на бледном челе.
Как Магдалина, что слезно прощения чаёт,
Он припадает в слезах к Елеонской земле.

II

Lui, le Prince du Ciel — triste jusqu'à la mort,
Lève un regard chargé de douleur et de crainte
Vers l'ange rayonnant qui tient la coupe d'or :
L'ange est debout, la paix sur son visage empreinte...
Le Dieu pleure humblement — triste jusqu'à la mort !

Сын Человеческий, нынче Он в смертной тоске
С болью и страхом на горнее место взирает,
Там же, в спокойствии чинном и с Чашей в руке
Ангел с небес золотыми лучами сияет, —
Боже, Ты плачешь, Ты смерть постигаешь в тоске!

III

Et l'ange attend, muet comme un spectre de pierre.
 — « Ô Seigneur, éloignez ce calice de moi !... »
 Telle est, Jésus, ta défaillance et ta prière.
 Le ciel est calme, la nuit sombre, et le vent froid ;
 Et l'ange attend, muet comme un spectre de pierre.

Ангел, безмолвный как статуя, смотрит и ждет.
 – Отче, прошу, да минует меня эта Чаша! –
 Слабость Иисуса закралась в молебный извод¹⁶.
 В небе ночном только ветер ладонями машет.
 Ангел как каменный призрак – внимает и ждет.

IV

Ah ! qu'ils sont loin, les jours de pompeux hosanna,
 Quand, divin thaumaturge éblouissant de gloire,
 Tu changeais l'eau de source en vin pur, à Cana !...
 Car voici la liqueur amère : il faut la boire ;
 Ah ! qu'ils sont loin, les jours de pompeux hosanna !

Радость осанны, как все это было давно;
 В Кане на свадьбе Он был чудотворцем во славе,
 Он превращал родниковую влагу в вино ! –
 Нынче ж придется испить раскаленную лаву;
 Крики осанны... О, как это было давно!

V

Ton cœur saigne au poignard de l'angoisse future,
 Et tes larmes de feu brûlent la mousse en fleurs.
 — Tes disciples sont las, et, sur la terre dure
 Ils dorment leur sommeil, rêvant aux jours meilleurs,
 Ton cœur saigne au poignard de l'angoisse future.

Крестные муки по сердцу свербят как клинок.
 Слезы огнем прожигают покровы соцветий.
 Ученики, как убитые, валятся с ног,
 Сонная нега уносит их в Царствие Света.
 В сердце прозренье вошло как кровавый клинок.

16 Извод – в разговорном значении восходит к глаголу «изводить» как результат такого действия – лишение сил, гибель. В иконографии извод – это утвержденная форма иконописного изображения, а в филологии – разновидность текста рукописного памятника, уточненная или измененная в устной передаче; в частности, устные изводы апокрифических молитв представляют собой их вольное переложение на разговорный язык. Парадокс евангельского Моления о чаше заключается в том, что слова Иисуса были произнесены без свидетелей и, соответственно никак не могли быть записаны – прим. М. Б.

VI

Disciples endormis ! Ciel sourd !... Rien ne répond.
 L'ange s'est envolé ; la coupe d'agonie
 Est bue, et la sueur sanglante est sur ton front.
 Serais-tu pas un dieu, Roi des Juifs ?... — Ironie !
 Disciples endormis ! Ciel sourd !... Rien ne répond !

Спутники спят! Безучастно молчат небеса,
 Ангел исчез, и агонии Чаша испита.
 Кровь на челе проступила как божья роса.
 Царь Иудейский! Да кто же есть Бог, как не ты-то?
 Спутники спят! Безучастно молчат небеса!

VII

Si le Dieu meurt en toi ; s'il ne reste que l'homme
 Qui défaille, et se traîne, et se plaint au néant,
 De quel nom, cette nuit, vauds-tu que l'on te nomme ?
 — Oui, tu faiblis ; mais ta faiblesse est d'un géant,
 Et, si le Dieu n'est plus, il reste mieux qu'un homme :

Если в Тебе умер Бог, если Ты – человек,
 Тот, кто влачит по земле свою плоть словно рану, –
 Как же Ты сам-то себя назовешь, имярек? –
 Нemoшь Твоя это все ж таки нemoшь титана;
 Раз уж нет Бога, то пусть будет сверхчеловек!

VIII

C'est à Gethsémani, pleurant comme un enfant,
 Que le poète t'aime, ô Christ, et te révère.
 Où tu lui parais beau, sublime et triomphant,
 Ce n'est pas en martyr t'immolant au Calvaire ;
 C'est à Gethsémani, pleurant comme un enfant !

Там, в Гефсиманском саду, Ты рыдал как дитя.
 Образ, который поэтов пленяет и манит –
 Вечный и трепетный, словно развернутый стяг, –
 Не страстотерпец, что отдал себя на закланье, –
 Нет! – В Гефсиманском саду тихо плачет дитя.